

СЪПЕЦВЫПУСК:

Публикации, зь якіх палкам складзены гэты нумар, выйшлі за межамі Рэспублікі. Ім не знайшлося месца на старонках беларускіх газет. Падобна, што нашыя уласныя праблемы цікавцяць прыбалтыйскую і маскоўскую прэсу болей, чым нас саміх.

НАВІНЫ

Выданьне Арганізацыйнага камітэту.

5 1989

БЕЛАРУСКАГА НАРОДНАГА ФРОНТУ ЗА ПЕРАБУДОВУ «АДРАДЖЭНЬНЕ»

"Молодёжь Эстонии", 13 траўня 1989 — "Навіны".

На актуальныя тэмы з народным дэпутатам СССР пісателем **Василем БЫКОВЫМ** беседуе наш карэспандэнт **Элла АГРАНОВСКАЯ**.

— Как вы полагаете, Василь Владимирович, это нормальное, естественное развитие процесса, именуемого перестройкой, когда самый высокий градус напряжения связан с межнациональными отношениями?

— Вы имеете в виду национальные республики?

— Да, конечно.

— Это, очевидно, неизбежно. Хотя по большому счету быть не должно. Ибо все-таки в национальной республике главное должно определяться волей коренного населения. И это совершенно естественно. Это элементарно. Ведь никому не придет в голову, скажем, во Франции,

чем-то, прорусская. И если сейчас мы, деятели белорусской культуры, забыли тревогу, то потому, что исчезает последний оплот национальной культуры — язык. Появилась угроза исчезновения белорусского языка. Хотя сейчас и идут разговоры и требования насчет придания ему статуса государственного, состояние, когда белорусский язык стал бы доминирующим, весьма проблематично. И если здраво поразмыслить об этом, то русскому населению нечего тревожиться. По крайней мере, в ближайшие годы русский язык и все, что касается русской культуры, будет обеспечено совершенно.

ка на русский. В связи с близостью этих языков тут получается что-то, так сказать, неисследованное. Очень добросовестно выполненный перевод с белорусского совершенно неудовлетворителен на русском. Поэтому приходится переписывать заново, переосмысливая на другом языке. Но это может сделать только автор, это не может сделать переводчик.

— А вот, очень интересно, на каком языке вы думаете?

— Думаю? Когда пишу, то думаю, конечно, по-белорусски. А вот в политике, в общественной жизни — разумеется, как говорю, так и думаю.

крупное милицееское подразделение на автобусах. Те шли пешком, растянувшись по проспекту на многие километры, а эти ехали на автобусах. Ничего не произошло, никаких эксцессов.

— Откровенно говоря, мне совершенно непонятно, кто выигрывает от этого противостояния, в котором искусственность столь очевидна. И действительно, почему бы не разрешить им пройти по аллюду своей колонной, с бело-красно-белыми национальными флагами? Кому от этого был бы вред?

— Видите ли, все дело в том, что наше руководство консервативно, и этот консерватизм опять же унаследовало от тех прошлых времен. Поэтому оно и не идет ни на какие уступки, ни на какие признания массовых движений. В печати проведена не одна кампания шельмования неформалов. И ни

Одну «боротьбу», по сути, представляет собой Андреевский флаг. Все это можно установить закононо и не противореча Конституции. Но у нас метод запрета стал самой популярной формой взаимоотношений властей и неформалов. И применяется широко.

— Василь Владимирович, как вы лично ощущаете себя в этой ситуации? Вы писатель с мировым именем, чей высокий нравственный авторитет признан всеми, кроме, кажется, властей в нашем родном отечестве?

— Я пытаюсь и писать, и обращаться в государственные органы, но... На сессии Верховного Совета республики меня очень критиковали.

— За что? За то, что в мире благодаря вашему творчеству узнали, что есть такая Белоруссия и что в Советском Союзе, слава богу, есть писатели?

— Боже мой! Когда-то, в прежние времена, была в ходу такая поговорка: был бы человек, а статья найдется. Была бы антипатия к какому-то человеку, а причины для критики найдутся всегда. Конечно, прежде всего, за мою общественную позицию по отношению к противникам перестройки. Это уже звучит затерто, но по сути своей — верно. Например, Алесь Адамович уже давно, указывая на конкретные имена нескольких руководителей, написал, что Минск — это беллорусская Вандея. После этого у нас произошло событие 30 октября, о которых вы знаете, подтвердившее это определение Адамовича. Я напомнил об этих событиях в «Огоньке» — это вызвало здесь бурю негодования среди руководства. Ну, и в белорусской партийной прессе была напечатана масса статей против меня и Адамовича. Вот это неприятно. Этот антагонизм выплеснулся и на сессии Верховного Совета республики. Продолжается все и до сих пор, разумеется. И проблему эту надо понимать шире: к примеру, в течение осени и зимы в печати была проведена, по сути дела, антиинтеллигентская кампания, когда на страницах прессы, по радио, телевидению выступали рабочие, представители технической интеллигенции, которые поносили интеллигентов, против самых видных, в том числе и Адамовича, например. А что касается Союза писателей, то, наверное, никогда он не был в таком загнившем и униженном состоянии, как теперь. Есть много примеров, свидетельствующих о том, как попираются не только гражданские права писателей, но и права, и интересы всей нашей творческой организации. Достаточно вспомнить, как осенью собрались четыре творческих союза — писателей, художников, журналистов и кинематографистов, которые решили сообща создать общество, получившее название «Мартиролог Белоруссии». Это антисталинское общество, ставшее своей задачей искоренение последствий репрессивных методов и мер сталинского руководства. Составилось очень представительное собрание, был принят устав, создан штаб этой организации

СМЕШНО НЕ ПРИЗНАВАТЬ ТО, ЧТО ОСВЯЩЕНО ВРЕМЕНЕМ

хотя там тоже много выходцев из других стран, требовать от французов перестроить свои традиции в угоду национальным меньшинствам. А вот у нас это возможно. Конечно, это нечто иное, как рецидивы антидемократических времен, пережитки сталинизма. Хотя лично я полагаю, что национальные меньшинства в республиках имеют право на свое национальное развитие, развитие своей культуры сообразно собственной воле. Это тоже совершенно естественно. И если коренное население не обеспечивает им этой возможности, это очень плохо, это также антидемократично.

Но насколько вы успели понять, в Белоруссии сегодня со всей очевидностью просматривается не столько межнациональное, сколько политическое противостояние?

— Да, скорее политическое. Потому что мы просто еще не вышли из состояния навязанного сталинскими тенденциями. Внедренные в двадцатые, тридцатые, сороковые годы, они глубоко проникли во все части населения, и белорусского, и небелорусского. Вот поэтому пока противостояние проходит именно на этом рубеже — сталинизма и антисталинизма. Но уже кое-что просматривается и в смысле национального размежевания. И хотя национальное самосознание белорусов, резко ослабленное в ирские годы, еще только только пробуждается, оно уже, тем не менее, встречает противодействие небелорусского, в основном, русского населения, которое усматривает в этом угрозу для своих интересов.

— И она действительно существует, эта угроза?

— Откровенно признаться, никакого ущемления не только нет, но еще долгое время и быть не может. Если вообще не исключено. Ведь вся культура в Белоруссии, в об-

— Василь Владимирович, это хорошо или это плохо?

— Я сейчас говорю об этом русско-белорусском конфликте, и для Белоруссии это, конечно, плохо. Это плохо потому, что хотя мы говорим о двуязычии, на деле двуязычие выражается в подавлении белорусского элемента в языке. И для развития белорусской культуры это трагично. Ведь сегодня белорусская культура не может конкурировать на равных с русской культурой в Белоруссии. Как следствие ирешней политики — государственной, партийной — русская культура во главе с русским языком укоренилась здесь основательно.

— Конечно, это чудовищно, когда видишь по телевизору, как репортер обращается к крестьянину с вопросом на литературном белорусском языке, а тот ему отвечает на искаженном русском. Но все-таки мне кажется, что сейчас гораздо чаще, чем раньше, можно услышать на улицах белорусскую речь.

— Знаете, это только случайно. На самом деле — нет. Потому что дело не только в проявлении, или выявлении этого белорусского элемента. Дело еще в том, что белорусы отвыкли от своего языка, а молодежь и вовсе его не знает. Особенно городская молодежь, поскольку в школах она его не изучала, а в бытовом общении он был исключен. И если вы можете услышать белорусскую речь, то только среди какой-то части творческой интеллигенции.

— А вы, Василь Владимирович, пишете на обоих языках?

— Я пишу на белорусском. Но могли бы писать и на русском?

— Это, конечно, особый разговор, но коль вы спросили... Я потом перевожу на русский произведение, написанные по-белорусски. Потому что просто не существует школы, я бы сказал, удовлетворительного литературного перевода с белорусского язы-

— Василь Владимирович, раньше вы тоже так много занимались общественной деятельностью, или это перестройка вас вовлекла?

— Да вы знаете, я не общественник, я не люблю эту деятельность.

— Вот и мне так напоминается. Жили вы не в столице, а в Гродно, и довольно скромно...

— Конечно! И это понятно: писатель — это кустарь-одиночка. Это одиночник и индивидуалист. Иначе и быть не может. А сейчас просто... знаете, по-другому и нельзя. Вот мы говорим: развернулась перестройка. Но перестройка вызвала и жизни дремавшие доселе народные силы, народную энергию. Это понятно и это уже общепризнано. У молодежи она проявилась в самой популярной ныне форме — неформальных объединениях. Эти неформальные движения, например, в Прибалтике привели к каким-то значительным сдвигам в общественно-политической жизни. У нас они пока что не привели. Потому что с самого начала встретили колоссальное противодействие партийной бюрократии, которая, по сути, поставила их деятельность в условия полной невозможности. Я не знаю, как будет впредь и что будет дальше, ибо, несмотря на то, что это движение все-таки существует и развивается. Вот, 1 мая у нас было разрешено неформалам пройти по главной площади своей колонной. Но после того, как колонна собралась, им участие в демонстрации запретили. Неформалы и те, кто их поддерживает, повернули, конечно, в Куропаты. В Куропатах провели хороший митинг с участием многих тысяч людей, много выступлений, с чтением стихов. Потом около 5 часов вернулись в город, прошли к оперному театру, там возложили венок к памятнику нашему поэту Максиму Богдановичу. Милиция не противодействовала, хотя сопровождала. Да, довольно

одна строка из программы и деклараций неформальных объединений не напечатана. Наоборот, печатают только комментарии и критику, где позиция неформальных объединений и Народного фронта всячески извращается. А что касается знамен, о которых вы упомянули, то год назад наша партийная пресса напечатала материалы, которые доказывают, что эти знамена дискредитированы националистами в годы войны, что под ними расстреливали неповинных людей и так далее.

— Интересно, эти критики не болят некоторые сопоставлений?

— Очевидно, нет, если их логика не шла дальше названных утверждений. А далее Верховный Совет принял указы, по которым национальная символика фактически была запрещена в установленном порядке. Это возмутительно, поскольку белорусским национальным символам более пяти веков. И еще в Грюнвальдской битве наши полки всеядли под нами против немецких рыцарей. А сейчас их не признают. Смешно, конечно, не признавать то, что освящено временем, кровью, пролитой за правое дело, и все это, по меньшей мере, несерьезно. Тем не менее, мы сейчас говорим, что ратуем за правовое государство. И вот пока молодежь на митингах ведет по этому поводу дискуссии, правительство принимает указы и, так сказать, укрепляет Уголовный кодекс в этом направлении. При этом никто ведь не добивается подмены государственного флага национальным — речь идет о том, чтобы наряду с государственным допустить использование исторического. Ведь существует же у нас масса спортивных флагов, да и в государстве наряду с красным флагом с серпом и молотом и со звездой есть же еще, скажем, флаг канальца, есть флаг Воинно-Морской

Сейчас, на четвертом году преобразований, правомерно говорить о путях перестройки...

На проблем экономический и социально-политический. Меня беспокоит постоянное драматическое противоречие, сопровождающее прогрессивные процессы перестройки и демократизации...

Особенность нашей социально-политической перестройки в том, что ее мировоззренческие и нравственные предпосылки подготовлены «снизу»...

Напервое, одно из основных принципиальных разладов — это вопрос, была ли альтернатива «сталинскому» пути...

Вы правы. Причем чаще всего утверждается, что другого пути не было, «однако» (вот словечко, вырывающее людей из целостности мировоззрения)...

В пользу того, что была возможность противосталинская альтернатива построения социализма, свидетельствует современная перестройка...

Имеют ли эти вопросы свое отражение в кругу ваших сегодняшних интересов? Меня всегда интересовали социальные преобразования и ускоренное развитие художественной культуры...

их — таланты и мыслями. От историков и философов ждут ответа на вопросы: в чем причина нашей трагедии и кто виноват в ней?

Чтобы в будущем духовный выклад белорусов в советскую и мировую культуру не иссяк, необходимо возродить живое функционирование их национального языка...

В. КОНОН

ОСОЗНАТЬ ИСТОКИ ТРАГЕДИИ

МОНОГРАФИИ ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ, КНИГИ И СТАТЬИ О ВЧЕРАШНЕМ И СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ ПЕРУ ДОКТОРА ФИЛОСОФСКИХ НАУК ВЛАДИМИРА КОНОНА...

других видов национальной культуры. В результате сталинских репрессий и «чисток» денационализирована фактически вся программа фактического, а не формального равноправия белорусского языка...

Разумеется, нельзя рассматривать современную белорусскую литературу изолированно, не сопоставляя ее с русской, в которой сосуществуют столь многообразные направления...

Из опубликованной в газете «Московские новости» беседы с народным писателем БССР Василем Быковым...

стало трагическое открытие белорусскими археологами места массового расстрела советских граждан в урочище Куропаты...

стали реальными и необратимыми процессами, необходима их общенародная поддержка. Вот почему учредительный конгресс «Мартиролога»...

Организационному комитету «Возрождение» и неформальным организациям белорусской молодежи удалось, наконец, провести 19 февраля на минском стадионе «Динамо» разрешенный горисполкомом митинг...

Второй, уже позитивный результат митинга — своего рода «явочная» легализация культурно-исторических символов белорусского народа — «Погоня»...

Вот так. Везде есть трудности, нередко сплошные противоречия, а вот в Белоруссии — гармония и благодать. И это в республике, где труднейшая экологическая ситуация...

Круг нашего круга?

Из белорусской литературы читаю все, что успеваю прочесть. В прозе нашей, кажется, наступило (надо думать, временно) «затишье»...

Алексей Адамович в журнале «Огонек». По предварительным выводам З. Позняка, на территории Куропат обнаружено пока 510 братских могил...

Вы — один из членов совета, возглавляющего недавно организованное общество «Мартиролог Белоруссии»... 19 октября 1988 г. в минском Доме кино состоялась учредительная конференция...

Цель «Мартиролога» — выявление жертв репрессий во всех слоях народа, разоблачение инициаторов и непосредственных исполнителей преступлений...

движение всех граждан независимо от национальности, партийности и вероисповедания, активно поддерживающих принципы демократии, социализма и гуманизма...

Можно ли уже сегодня говорить об опыте работы Оргкомитета, о каких-то предварительных итогах?

Лучшие силы народа с энтузиазмом поддерживают идею Народного фронта. Увы, этого не скажешь о некоторых руководящих товарищах в республике...

Ведущий рубрики Александр ЦУПЛОВ.

Смешно не признавать то, что освящено временем

ции. Но руководство республики не признало законность образования этого общества. По сути дела, было нанесено оскорбление, выражено недоверие всей творческой общественности. Ну, и что? До сих пор «Мартыролог Белоруссии» существует непризнанным.

— То есть опять: он есть, но его нет?
— Он есть, но власти его не признают. А коль не признают, то у него нет помещения, у него нет счета в банке, и его деятельность соответственно нашим дополнениям к Уголовному кодексу преследуется по закону.

— Таким образом, конфликт уже просто запрограммирован. А если учесть возможность провокаций...

— Но ведь то, что произошло в Минске 30 октября прошлого года, не что иное, как чистейшая провокация. То есть была предпринята попытка столкновения неорганизованной толпы, будем так говорить, массы мильки с органами правопорядка. Для этой цели были выведены милицейские силы, техника, спецсредства и прочее. А ведь люди, которые шли на кладбище, не имели

никаких политических целей, и побода их останавливать не было. Было намерение провести день памяти, который, кстати, проводился уже в прошлом году. То есть имелся прецедент, и все было спокойно. На сей раз был вынесен запрет на его проведение, брошены войска и милиция. И именно милиция предприняла первые шаги для того, чтобы произошло столкновение: аресты, чисто полицейский нажим, применение химических средств. И до стычки оставалось совсем немного, всего несколько минут, несколько моментов. И если провокация не удалась, то только благодаря авторитету Зенона Позняка, который остановил эту неорганизованную массу, предотвратил ее противодействие возмущительным действиям милиции и повел людей в Куропаты. По сути дела, увел от столкновения. Именно благодаря вмешательству Позняка, благодаря его непредрядденным действиям весь сценарий рассыпался. Потому что был расчет на то, что, по сути, уже столкновение произошло — были арестованы, были схвачены, ослеплены люди, некоторые избиты. Далее власти ожидали призыва

оказать сопротивление.
— Ну, да — «Бей!».
— А вместо этого призыва «Бей!» последовал призыв: «Спокойно, не поддавайтесь на провокации!» И всю толпу он увел за городскую черту, где состоялся митинг, который опять же был подавлен и разогнан, но конфронтация как таковой и побоища с кровопусканием не произошло. Хотя к нему были готовы и на него рассчитывали. Чтобы под этим предлогом задавить все неформальное, по сути, демократическое движение.

— И взгляд ваш в будущее, Василь Владимирович, печален, да?
— Перестройка вызвала к жизни множество тенденций, и сейчас происходят процессы, взаимоотрицающие один другой. Очевидно, этого и следовало ожидать. Потому что все происходящее — следствие каких-то глубинных процессов и причин, которые берут истоки в прежних временах. И хотя они были, в общем-то, сходными в разных республиках, во время перестройки начали приобретать характер иногда противоположный.

— Так оно и есть, если посмотреть в сравнении на то,

что сегодня происходит хотя бы в той же Прибалтике и Белоруссии.

— И если исходить из положения, что жизнь никогда не стоит на месте, она обязательно должна двигаться (я имею в виду общественную жизнь) и обязательно в каком-то направлении, то, я думаю, что это все-таки направление вперед, а не назад. Я думаю, что мы все-таки пойдем по пути прогресса,

обновления нашей общественной жизни, и выработка нового сознания не останется лишь лозунгом. У нас все это происходит очень медленно и, конечно, прежде всего, в силу сопротивления партийно-бюрократического аппарата, административно-приказной системы, которая в Белоруссии не претерпела никаких изменений за последние время. Но все-таки прогресс есть. В движении неформалов, несмотря на сопротивление, ограничения всевозможные, участвует все больше и больше людей и, главным образом, молодежь. Я полагаю, мы тоже добьемся каких-то сдвигов. Намечаются они, прежде всего, в области национальной культу-

ры. Ведь уже на правительственном уровне принята программа по языку. Это обнадеживает, хотя она недостаточна, я считаю, она паллиативна по своему содержанию, но, тем не менее, еще год-полтора тому назад и она была совершенно невозможна. Думаю, будут и другие сдвиги. Ведь, должен вам заметить, что для нас очень много значит пример Прибалтийских республик, в том числе и Эстонии. Информация, конечно, выборочна и случайна, но все-таки какие-то вести доходят, ваши идеи находят понимание, поддержку. Я думаю, найдут и распространение. И, знаете, не только в Белоруссии, но и в стране. Другое дело, что какие-то вещи еще преждевременны. Для нас, например, какие-то моменты, может быть, неприемлемы. По разным причинам. И вот критика ваших движений вытаскивают эти вот неприемлемые или преждевременные моменты и, показывая их, пытаются отлупить массы от того, что происходит в республиках Прибалтики. Но люди у нас сейчас грамотные. Разберутся, я думаю.

МИНСК — ТАЛЛИН.

«Советская молодежь» /Латвия/, 20 красавика 1989 — «Навіны» /са скарачэньнямі/

БЕЛОРУССИЯ:

Вандея? «Очаков»? Зимний?

— Белорусский Народный фронт — это реальность или миф?

— Существует движение Белорусского фронта как такового. Но учредительного съезда БНФ еще не было. Тем не менее движение набирает силу. Об этом свидетельствовали хотя бы выборы в столице Белоруссии по шести округам. БНФ в ходе избирательной кампании добился победы: те кандидаты, против которых выступал фронт, не прошли, кандидаты же фронта прошли, в том числе и член организационного комитета — А. Журавлев.

— Специфика национального движения в Белоруссии в том, что первый шаг в нем сделали такие общественные организации, как «Талака», «Гутыяна», «Свитанок», «Современник», а не БНФ.

— Да, эти независимые общественные организации занимались в основном культурными задачами. И это естественный процесс пробуждения общественной мысли, стремление к возрождению. Когда же условия созрели (а надо отметить, что реакция консолидировалась первой), возникла идея создания Народного фронта. И эти общественные организации, оставаясь самими собой, все стали группами поддержки фронта. Они разделяют платформу БНФ.

— Не кажется ли вам прихотью возрождение и пропаганда полудавытых в Белоруссии герба «Пагоня» и бело-красно-белого флага?

— Бюрократия сильна тем, что она успела в значительной степени отлучить народ от истории, от памяти. Символика незначительна тем, что в ней — наша история. И герб «Пагоня», и бело-красно-белый белорусский флаг имеют не одну сотню лет истории. И если эти символы кто-то использо-

вал в неблагоприятных целях, это не значит, что их надо отрицать. Никому же, например, не приходит в голову назвать Сталинградское сражение Волгоградским. Это абсурд. Нельзя отменить исторический факт.

— При сопоставлении, скажем, программ НФЛ и БНФ явно заметна их схожесть, то есть можно говорить о влиянии программ фронтов и движений Прибалтики?

— Все эти программы у нас были под рукой. Но мы исходили из обстановки в республике. То, что в Прибалтике разъяснять не приходится, у нас делать необходимо: то же двуязычие порождает полужыгиче, а это — гибель национальной культуры. Поэтому наша программа в некоторой степени носит просветительный характер.

— Как относится партийное руководство республики к БНФ?

— Оно категорически не признает его.
— Похоже, будь на то воля местных властей, они бы обнесли Белоруссию высоким забором, чтобы не видеть, что происходит за этим забором, и чтобы не смотреть с той стороны...

— Люди в других республиках, в Москве, за рубежом совершенно не представляют, что происходит в республике. Они судят о Белоруссии, как об СССР в целом. Хотя у нас совершенно уникальная политическая ситуация. Белоруссия — это реликтовая сталинистская республика. До сих пор у руля власти находятся люди брежневской закалки. Они ограничили лишь расширением своего лексикона с поправкой на перестройку. В Белоруссии до сих пор используются старые методы правления. Скажем, для того, чтобы очернить общество «Мартыролог»

Министерство юстиции разработало циркуляр, якобы доказывающий неправомерность создания «Мартыролога» и несовершенство его устава. При этом использовались инструкции и постановления 1932 и 1935 годов!

Основная сущность этих людей — национальный нигилизм. В руководстве республики находятся люди, которые фактически ненавидят народ, собственный язык, отрицают национальную культуру, историю. Причем эта популяция руководителей до сих пор сохранилась в нетронутом виде.
Позтому события 30 октября в Минске не случайны. Они — результат этих взглядов на народ. В День поминовения предков люди шли почтить память невинно убитых во времена сталинских репрессий, а в Белоруссии было убито свыше двух миллионов человек, это почти каждый четвертый житель. И направить против людей дубинки, слезоточивый газ, водометные машины! Так оскорбят народ! Это не забывается и не прощается.

Дальнейшие события как раз и показывают, что за люди стоят у кормила власти. За всю историю перестройки только 19 февраля 1989 года горисполком впервые разрешил организацию митинга на стадионе «Динамо» в Минске. Надо сказать, что люди, пришедшие туда, а их было больше 40 тысяч, горячо поддерживали представителей БНФ и так же горячо отвергали представителей номенклатуры. Но через несколько дней вся пресса, находящаяся в руках этой самой номенклатуры, выступила с совершенно отрицательными грубо-тенденциозными и субъективными оценками митинга. Думаю, что тогда люди впервые поняли, как им лгут. Но эту ложь воочию увидели те 40 тысяч, а в республике 10 миллионов человек, они-то не были на стадионе!

Руководство докатилось до того, что инспирировало охванные и травлю совети нации — Василия Быкова и Алексея Адамовича. В таких реакционных изданиях, как журнал «Политическое обозрение», газета «Вечерний Минск», можно встретить прямое оскорбление этих людей.

Я расцениваю сегодняш-

«Наступило время личностей» — сказано вполне справедливо. Сегодня у нас встреча с одним из таких людей. Его политическая известность в Минске сегодня уступает, видимо, только популярности писателей В. Быкова и А. Адамовича. Наш собеседник — старший научный сотрудник Института истории Академии наук БССР Зенон Станиславович ПОЗНЯК. Беспартийный, один из тридцати организаторов Белорусского Народного фронта «Адраджанне».

ную ситуацию в республике как кризисную. «Лидеры» уже давно засиделись у себя как политические банкроты, поэтому без личностного изменения в руководстве республики перестройка дальше не пойдет.

Я рассказал далеко не о всей цепи последних событий наступления бюрократии на права человека в Белорусской ССР.

Но сегодня венцом всего этого стал Указ Президиума Верховного Совета БССР, который я бы назвал феноменальным по своей извращенной сущности. Практически этот указ запрещает свободу печати и национальной символики. Он попирает Декларацию прав человека, Венский документ. В нем смешано в кучу все: и спекуляция, и скупка-продажа, и митинги, и произведение печатной продукции, и национальные символы. Это понадобилось для того, чтобы свести национальные святыни, политическую деятельность БНФ к уровню скупки-продажи. К указам подобного рода следует всем относиться серьезно, хотя бы потому, что Белоруссия становится своеобразным «полигоном» антиперестроечных упражнений. Печально известный ныне Указ о проведении митингов и демонстраций сначала появился в республиканском варианте в БССР и РСФСР, а спустя некоторое время его без обсуждения народом «подарили» всеобщей общественности. Известно, что в Москве готовится проект закона о печати. Первые «черные ласточки» этого закона, появившиеся в Белоруссии, наводят на тревожные размышления.

— Согласно этому Указу, за значок с бело-красно-белым флагом на лацкане пиджака вас для начала могут предупредить, затем и оштрафовать до пятидесяти рублей?

— Да. Отсутствие гласности у нас в республике, отсутствие информации в других республиках о Белоруссии приводит к тому, что они здесь делают, что хотят. В Белоруссии сейчас узловой момент — Вандея. А что сделала Вандея во Франции, мы знаем. Это не просто эпитет, пущенный Але-

сем Адамовичем, это совершенно реально существующая политическая ситуация.

— Ваше отношение к правящей партии в стране?
— КПСС не представляет из себя однородной силы. В ее составе мы видим три направления: консервативное (административно-командные методы), левое, которое держится радикальной перестройки и демократических методов, а также центристское направление, его представитель — Горбачев.

— Как вы оцениваете внутреннюю политику М. Горбачева?
— Поддерживаю. Эта политика еще полностью не исчерпала свои прогрессивные возможности. Поэтому поддерживать ее надо. Но она половичатая. И в последнее время явно мучается. Уступка реакции. Это начинает тревожить. Все решится, наверное, в ближайшее время. Ведь беспредельно говорить о перестройке, не видя внутри перемены и наблюдая пустые прилавки, невозможно. Эта стагнация перестройки — нестабильное состояние.

— Что бы вы хотели пожелать народным движениям Белоруссии и Латвии?

— Чтобы движение НФ распространилось на всю Белоруссию, особенно в деревню. Это очень важно, потому что сейчас в выборах номенклатурщики прошли именно в деревне, то есть там, где народ еще спит...

Хотел бы еще пожелать, чтобы успешно прошел съезд БНФ «Адраджанне», который должен состояться в мае — июне в Минске.

Народному движению Латвии я бы пожелал найти возможности сохранить единство нации и общества. И чтобы это не вызвало конфликтов в латвийском обществе. Пусть между белорусами и латышями сохранится память о нашей общей истории, чувство долга и единство перспективы, чтобы мы понимали, что только вместе будем сильны.

Если сейчас гуманизм и демократия не победят, потом такой возможности может не быть. Мы дошли до крайней точки.

— Спасибо за интервью. Беседу вел Сергей ШАПРАН.

КУРОПАТЫ ПРИОТКРЫЛИ ЗАВЕСУ НАД ЕЩЕ ОДНОЙ ТАЙНОЙ СТАЛИНИЗМА

На актуальные темы с председателем историко-просветительского общества памяти жертв сталинизма «Мартиролог Белоруссии», старшим научным сотрудником Института истории АН БССР Зеноном ПОЗНЯКОМ беседует наш корреспондент Элла АГРАНОВСКАЯ.

— Все, что мы узнали о Куропатах, страшно и трагично. Но страшно и то, что вскоре за известием об этой белорусской трагедии пришло другое известие — о событиях в Минске 30 октября...
— Положение, которое сложилось в Белоруссии, осознавалось людьми. Одним глубже, другим в общих чертах. Но люди-то понимали, что оно совершенно ненормальное — нет национальных школ, из государственной сферы вытеснен национальный язык, национальную историю не изучают и не знают ее, оскорбляют культуру, уничтожают памятники. Конечно, народ в Белоруссии трудолюбивый. Но сколько бы человек ни работал, он все же задаёт себе вопрос: куда деваются результаты его труда, почему он работает много, а получает мало? Так вот, эмоциональный ответ на эти вопросы явилась публикация правды о Куропатах. Это известие было подобно разорвавшейся бомбе.
— Это вы раскопали эту правду!

— Так сложилась судьба: я жил там, неподалеку, еще в 70-х годах. Вместе с коллегой Евгением Шмыгалевым мы разговаривали со стариками, и они рассказывали нам, как все было, показывали место расстрелов. Но тогда говорить, писать об этом было невозможно. Это было время реабилитации Сталина, борьба с так называемыми диссидентами, с национализмом и прочее. Ну, и молчать было невозможно, потому что умирали свидетели, а вместе с ними умирали и память о преступлении. Жить с таким грузом, с чувством бессилия было очень трудно. Но сказать обо всем стало возможно лишь накануне XIX партконференции — раньше чиновники не пустили бы это в печать. Да и позже тоже.
— Но ведь это огромная исследовательская работа.

— Сначала были опрошены свидетели. Мы со Шмыгалевым опросили десятки людей в разных деревнях вокруг Куропат. Потом были сделаны археологические раскопки: поскольку я археолог, это не представляло труда. Сразу же выяснилось, что могилы после войны, в 40-х годах, кто-то раскапывал, трупы изымают. Стало понятно, почему могилы выглядели полузакрытыми ямами: трупы вырыли, пса не хватало. Ну, а мальчишки эти докопали где-то на глубину до 2 метров и наткнулись на штабель человеческих костей. Тогда уже мы вместе довершили этот раскоп, и выяснилось, что глубина могил была до трех метров. Видно, те, которые заметали следы, просто не додумались до этого и поленились копать глубже. Нашли мы тогда и гильзы от советских наганов, и пули, и расчески, и галоши советские с маркировкой 37-го года. После этого и была подготовлена статья в еженедельнике «Літаратура і мастацтва». Сначала ее несколько раз снимал наш ЦК партии. Редакции «выламывали» руки, но сотрудники возмущались, ведь то, что они прочитали, касалось судьбы каждого из нас и совести каждого из нас. Люди поняли, что здесь поставлена на карту не только их собственная честь, но и честь всей нации. Ведь до того было лишь известно, что в Белоруссии во времена Сталина было уничтожено приблизительно 75 тысяч коммунистов, половина

партийной организации. Среди них было много новинных людей, но сколько было бандитов, которых сами принимали участие в репрессиях! Однако кто же были те миллионы уничтоженных белорусов? Те миллионы и были вот эти крестьяне, вот эти безвинные жертвы, которые массово уничтожались. Как их уничтожали, окончательно никто не знал. Где их трупы? Это же люди! Куда они делись, ведь тогда еще не было крематориев. Куропаты приоткрыли завесу над этой тайной сталинизма. Они впервые показали миру, что это был геноцид, запланированное уничтожение народа. В Куропатах, судя по найденным приметам, лежит простой народ — крестьяне, рабочие, сельская интеллигенция. И свидетели подтверждают, как хватали людей в деревнях, как приезжали «черные вороны» и забирали их. Исполнился план: приехали в соседнюю деревню Зеленяка и за одну ночь забрали 25 мужиков, и все они как в воду канули.
— Читая об этом и ужасаясь этой трагедии, в ось времена думаю еще о том, как люди жили с грузом этой памяти, этого знания. Ведь они тогда сейчас начали говорить? Ведь столько времени они молчали. Знали и молчали. Это же такое психологическое время.

— Они и сейчас еще многие говорят шепотом. Боятся.
— И ведь это тоже совершенно неисследованное явление, правда!
— Ужас сталинизма не поддавался осмыслению нормальной человеческой психикой. В нас было что-то сатанинское. Этот ужас вызывал мистический страх. И потом, люди ведь жили в системе рабства. Это особые отношения, ибо раб — неинициативный, безвольный человек. Возьмем 30-е годы — рождение колхозов. Возвратили крепостное право в новых социальных условиях, только гораздо более жесткое: человек стал более бесправен, он больше подвергался унижению. Люди рабы без паспортов в тотальной паспортной системе полностью зависели от тех, кто в любой момент мог отобрать их на тот свет. Они работали и не получали за это ни копейки. У крестьянина отобрали все — и землю, и скот, и свободу, и достоинство. Не отработавши трудодни — не дадут лошадей обработать приусадебный участок или же не разрешат привезти дрова из леса. И человек вынужден был работать даром, чтобы отплатить избу или обработать участок. А кроме того, с этого же участка еще платили налоги. И если в других местах был страшный голод и люди умирали — в Поволжье, на Украине, то крестьянин-белорус благодаря своей покладчivosti и трудолюбию тянул новое ярмо, как-то перебивался.
— В нашем народе огромная жизненная сила. Что-то бы его ни лишили, кроме жизни, он все равно выживет и пробьется. Советский коммунизм физически уничтожал нас как нацию, как этнос. В результате наших археологических исследований и выборочной эксгумации могил, проведенной совместно с Прокуратурой БССР, сделано заключение, что в среднем только в одних Куропатах было расстреляно четверть миллиона человек. Но вы

яснилось, что такие душебойки, как Куропаты, были вокруг каждого города в Белоруссии. Только в Минске нами найдено шесть таких мест. Теперь становится ясно, почему в 20-м году население белорусски насчитывало 12 миллионов человек, а перед войной, в 40-м, 9 миллионное 200 тысяч. Куда делись 2 миллиона 800 тысяч? Ведь территория была уже практически та же самая — к 40-му году западные земли белоруссии были возвращены. Наши историки предполагают, что от сталинизма пострадал каждый четвертый белорус.

— Как от фашизма.
— И уничтожались лучшие — крестьяне, которые умели работать, интеллигенция, ученые, писатели, учителя, цвет нации. Сталинизм себя проявил как враг всякой культуры, система сознательно вел к понижению культуры, уничтожала лучшее, что дает жизнь.

— Зенон Станиславович, сдерживая информацию о Куропатах, чем можно было это мотивировать? Что возможно возразить этой страшной, прозвительной правде!
— Возразить? Возразить невозможно. Но можно употребить испытанное оружие бюрократии — ложь, дезинформацию. Например, один партийный деятель выступает и говорит, что «Позняк сделал грязное дело», потому что здесь, дескать, «расстреляно 38 тысяч немецких офицеров». Человек взял с потолка формулировку и публично сообщил ее на митинге десяткам тысяч людей.

Ложь эта кощунственная, и даже трудно подыскать ей определение. Тем более, что живы еще 229 свидетели, которые знают о Куропатах. Есть свидетели, которые видели все от начала до конца, которые каждый день созерцали, как выезжали эти машины со смертниками за ограду, иногда по 16 машин в день, как люди кричали, как женщины плакали, как молились Богу, как спрашивали «за что?», как хлопали выстрелы. Они все это видели и слышали каждый день. И при этом аппаратчики осмелились лгать.

Аппарат у нас старается столкнуть общество лбами — и на национальной основе, и на социальной, но ничего не удается. И не получится. У нас они не создают Интердвинение. По крайней мере, в ближайшее время. Здесь нет достаточно серьезных общественных конфликтов белорусов с русскими, еврейями или другими группами национальных меньшинств.
— В общем, полная межэтническая идиллия!

— Идиллия здесь ни при чем. Национальное возрождение Белоруссии из сталинского небытия начинается как глубоко демократическое движение, ставящее целью интегрировать в него все национальные меньшинства. У нас есть возможности не повторить ошибок других в возрождении нашего общего белорусского Дома. Существуют возможности для осуществления этой благородной консолидирующей идеи национального возрождения и суверенитета. Нужна работа, выдержка, солидарность и время. Увы, время для нас категория значительно более объективная, чем в Эстонии. Но когда это время созреет, я уверен, и эстонцы, и белорусы, и литовцы, и латыши гораздо глубже осознают общность нашей исторической перспективы и общность судьбы.

— Значит, вы настаиваете на том, что национальные меньшинства в нашей республике сегодня никак не страдают!
— В нашей республике страдают все. Рубеж противостоит пролет между обществом и аппаратом, который сворачивает в основном на милицию; запрещаются все митинги, подавляются все независимые общественные движения.
— Но разве в наших сегодняшних условиях это возможно запретить!

— Не только запретить, но возможно пустить в ход пожарные и милициские машины, водометы, дубинки, газ. Но, заметьте, даже милиция уже не так слепо покорна. Армия живет в казарме, она изолирована, а милиционеры ведь живут среди людей и знают нужды этих людей. Я видел, как курсанты, которые были вынуждены разгонять митинг-реквием 30 октября в Минске, стыдились этого. Люди стояли на коленях, а они по головам пошли — сапогами по детям, по женщинам. Ведь нужно какой-то человеческий барьер в себе преодолеть. Потому те, кто обладает властью, считает, что все дозволено, не должны владеть этой властью. Ясно, что в основе всего — бюрократическая система. Но система управляется определенными людьми. Для бюрократической системы экстремизм — обычное явление. Это ее внутренняя закономерность. Крайнее выражение такого экстремизма — сталинизм, сталинские репрессии. Сегодня он выражается по-разному. То, что случилось в Тбилиси, — это не консенс, это выражение внутренней сущности системы. Она всегда была такой, ничуть не изменилась. Изменились мы — общество. Те люди, которые потерпели, которые вырастают, которые внутренне свободны. Это мы выходим из-под гипноза социальной болезни, которая появилась в 30-х. А они — нет. Осталась та же структура, те же античности, те же методы. Необорот, система еще более усовершенствовалась и даже может позволить себе действия, подобные тем, что были в Тбилиси.

— Следовательно, рассчитывать на то, что кадровые изменения могут принести какой-то успех, не приходится. Значит, они не нужны, так?
— Нет, нужны. Это необходимый этап. Если на место нынешнего придет такой же аппаратчик, он не будет иметь комплекса того, что уже натворил. Те, кто наделал много гадостей, должны ведь давать задний ход, признавать ошибки. Для них это невозможно, не та психология, не та правила поведения. Если же придут новые управленцы, они будут располагать возможностью маневра. Это дает надежду, что демократия продвигается хотя бы на один шаг.

— Насколько мы здесь у себя располагаем информацией, Народный фронт белоруссии не поддерживается и не призывется республиканскими властями. Но насколько поддерживается он своим народом? Насколько болеет его болельщиками!
— Народный фронт белоруссии поставил задачу — объединить всех для достижения трех основных задач: демократизация общества, ликвидация бюрократической системы и возрождение нации на демократической основе. Но в официальной печати иначе не пишут, как «так называемый Белорусский Народный фронт». Больше после поражения на выборах в Минске перестали делать вид, что ничего подобного в природе не существует. Хотя в природе уже существовали около 500 групп поддержки, а в движении участвовали тысячи человек. Народный фронт расширяется, приобретает опыт и не дает себя спротоцировать.

— Вы имеете в виду события 30 октября прошлого года!
— Не только. Все митинги, все общественные начинания были запрещены. Наступило 26 апреля — третья годовщина чернобыльской трагедии. Вы знаете, наверно, что Чернобыль — это, прежде всего, трагедия белоруссии. Чернобыльская станция в пяти километрах от белорусской границы, на протяжении недели на нас шли ветры, захватывали всю территорию республики. Но самое страшное, что в Могилевской области позже расстреляли и осаждали стонциво-цементные облака, которые шли на Моск-

ву. Сейчас в Могилевской области радиация выше, чем в чернобыльской зоне. Местами от 45 до 100 юри на квадратный километр (при допустимом пороге 15 юри). Там нельзя жить и нельзя обрабатывать ту землю. Но там живут и обрабатывают, и кормят детей и нас всяк. И действительно состояние дел скрыто от общественности республики. Десятки тысяч детей болеют лейкемией, не говоря уже о прочих болезнях, связанных с понижением иммунитета вследствие радиационного воздействия. Но даже детей, которые скоро начнут умирать, никому не вывозят. Сейчас Народный фронт ставит задачу: на лето вывезти хотя бы тысячу наших детей в другие республики. Уже организован комитет, который ведет переговоры для того, чтобы их приняли. Об этом общественность информирована слабо, но все же знает. Так вот, 26 апреля, в годовщину чернобыльской трагедии, Народный фронт решил провести на площади Ленина перед Домом правительства в Минске «Час скорби и молчания». Не митинг, а час скорби и молчания. То есть только постоять со свечами и помолчать. Народный фронт дал задание, горисполком, как обычно, запретил, но зато издал спешное постановление, что в глухом лесопарке на краю заводского района выделена площадка для митингов — дескать, идите туда, стойте и молчите. Но смысл был провести этот час скорби именно перед Домом правительства, которое скрыло и скрывает от народа действительную опасность.
— В прессе было что-нибудь об этом!

— Было. Только сначала в центральной. А наши дав молодёжные газеты, русская и белорусская, дали обширную информацию о митинге в лесопарке, проиллюстрировав ее фотографиями, сделанными... на площади Ленина.
— А что было на официальном митинге!

— Рассказывают, он тоже прошел неплохо. Правда, сначала по бумажкам читали вещи известные, затертые. А потом очень критически выступили несколько ученых. Люди начали говорить нежелательные вещи — о том, что обманывают народ, что нет информации и так далее. В общем, устроители элементарно прочитались. По-видимому, они полагали, что от радиации может умереть только Народный фронт. Увы!
— Иногда кажется, что мы живем в каком-то фантастическом театре абсурда, где «Кафка становится бытием». Кто бы мог предположить, что во время скорбной медитации тысяч людей и чернобыльского молчания на площади народ старательно снимала всякие органы. Потом звали «идеала», и посыпались повести в милицию Могилевского района, и начались массовые допросы.

Сейчас в Минске готовится совершенно необычный аттракцион — процесс над участниками Первомайской демонстрации за участие... в этой демонстрации. Уже готовы фотографии демонстрантов, в массовом порядке резослены повести, ведутся допросы, строчат протоколы. Суть в том, что в демонстрации участвовала отдельная колонна Народного фронта. При этом горисполком колонну «запретил», Совет Министров — «разрешил», а «штаб» демонстрации (он же горком партии), когда все собралось, снова «запретил», даже выстроил доблестные ряды милиции, прегрегдив путь к родному правительству. Пришлось идти в обратном направлении — через город в Куропаты. Так уж получается неоднократно, что там, где сталинщина, — дорога одна, в Куропаты.

— Ваш рассказ подобен страшному сну. Хотелось очнуться, чтобы убедиться: это неважное.

— Я почти не сомневаюсь, что в Эстонии не поверят в эту реальность. И напрасно. Сталинизм сам по себе абсурд тем более, в реликтовом состоянии, в каком он сохранился в БССР. Все это, должен сказать, стимулирует чувство юмора у наших сограждан (национальная особенность). Но при всем при этом не следует забывать, что этот инерционный сталинизм умеет убивать не хуже «классического», даром, что дубиной и саперной лопатой. Поэтому отнесемся к нему серьезно. **МИНСК — ТАЛЛИНН**

Четыре возрождения белорусской нации

Адам Янсонич Маладас — член оргкомитета Белорусского народного фронта, доктор филологических наук, член Союза писателей БССР, лауреат Государственной премии БССР. Наши корреспонденты встретились с ним в Вильнюсе, на учредительном собрании Товарищества белорусской культуры при Литовском фонде культуры. Сокращенное изложение беседы с ним мы и предлагаем Вашему вниманию.

В чем была слабость нашего оргкомитета, когда мы собирались на первые заседания? Достаточно было опубликовать список членов, и сразу становилось ясно — интеллигентия! Писатели, историки, ученые. Мы знали, что на собраниях в трудовых коллективах говорили: «Смотрите, да это же жучка интеллигентное, которым нечего делать... Она волнуется. В отличие от нас... А массам это не нужно...» Но оказалось, массы пошли за оргкомитетом, у которого теперь много групп поддержки среди рабочих. Пришли люди с заводов и сказали, что массам это нужно.

Мне нравится, что в Литве не фронт, а Движение. Я тоже выступал за такое название. Почему? Слово «фронт» порой действует, как красное полотнище на корриде. Мы уже слишком много лозунгов слышали и произносили, а сейчас нужны конкретные действия. Ведь в белорусском безнадёжно отстали в формировании национального начала. Было много ошибок. Но, с другой стороны, это «отставание» может помочь нам, не торопясь, обдумать все, приглядеться, избежать таких крайностей, которые возникли, скажем, в Латвии, где одна часть общества начала «попадать» другую, тоже прогрессивную. Во имя чего? Нужно говорить о единстве всех перестроенных сил, а не о расколе. К сожалению, и у нас тоже идут на конфронтацию. Уже слышны разговоры о необходимости интерфронта. Против кого? Национального фронта? А может быть, дело в названии: именуя мы себя не белорусским народным фронтом, а Народным фронтом Белоруссии, то это объединило бы все силы! Ну, а на бытовом уровне — так же, как и в Литве: сомнения, волнения.

Ситуация в Белоруссии отличается от других республик. Ведь белорусы в свое время не успели сформироваться как нация. Почему это произошло? У Василия Быкова в повести «Карьер» есть сцена, где предатель во время фашистской оккупации рассуждает примерно так: белорусы проспали когда-то свой поезд, поэтому теперь все равно, на каком поезде ехать — своем, чужом, фашистском... Это звучит как оправдание предательства. Однако вспомним, что наш поезд очень хорошо начал движение в XV—XVI столетиях — даже опережал литовский. Почему я так говорю? Первые белорусские книги в Праге и Вильнюсе были изданы раньше, чем книга Махандаса. Во времена Великого княжества Литовского, в состав которого входили и белорусские земли, литовско-белорусские летописи, грамоты великих князей литовских, Литовский Статут писались на белорусском языке. Во времена Скорины в Вильнюсе в городской Раде половина советников была из православных и половина — из католиков-литовцев. И церила удивительная толерантность. Иностранцы, приезжающие тогда в Великое княжество Литовское удивлялись: как мирно уживаются православные и католики, белорусы, или как тогда говорили «русини», и литовцы, вместе борются против крестоносцев и монголо-татарской Орды. А в середине XVI в. белорусские магнаты в погоне за привилегиями приняли католическую веру. Пересели на католический поезд — престижа ради. Это была замена своему народу. А потом маятник уже качался из стороны в сторону: полянизация — русификация.

У белорусов и литовцев никогда не было оснований для взаимной враждебности. Порой и белорусские, и литовские историки утверждают, будто объединение в единое государство — Великое княжество Литовское — соответствовало только интересам литовцев, завоевателей и уничтоживших «русинов». Конечно, бывали феодальные распри, но не на национальной почве. Объединение наших народов приносило взаимную пользу. Мы взаимодополняли друг друга: у литовцев государственная власть и единство были лучше организованы, а так как белорусы раньше приняли христианство, то у нас культурные, книжные традиции были сильнее и глубже. Однако своей письменности, языка литовцам мы тогда не навязывали. Все шло естественным путем. Причем, значительную роль играли женщины-матери, разговаривавшие с детьми на своем языке. Если жена великого князя литовского «русинка» начинала с ребенком говорить по-белорусски, то язык для него становился родным. Вообще, и слово сказать мы недоцениваем роль женщины в национальном возрождении.

В XVIII—XIX вв. маятник истории качнулся снова. Белорусы, как и литовцы, оказались в составе царской России... Униатство, насильственно введенное в конце XVI — начале XVII в., позднее стало поистине народной религией и играло прогрессивную роль в становлении белорусского народного и национального самосознания. Но в 30-е годы XIX в. униатская церковь была насильственно ликвидирована. И бел. зусы встали перед выбором: католическая церковь означала для них полянизацию, а православная — русификацию. Считалось: если ты католик — то поляк, а если православный — то русский. В этом одна из бед нашего народа — национальное и религиозное постоянно смешивались. Католическое духовенство оставалось, а основным, враждебным белорусскому национальному движению, но и православное — тоже.

Между прочим, особой поддержки нашему движению со стороны духовенства мы не ощущаем и сегодня. Исключение — ксендз Черняцкий из Вишнева, ведущий богослужения на белорусском языке, да дзятв прааславных сячценніка. А вот в литовском национальном движении религиозные деятели сыграли исключительную роль. И в прошлом (вспомним Барануцкаса, Майроніска), и теперь. К сожалению, у нас таких примеров мало. Правда, на нашей конференции, посвященной Тысячелетию крещения Руси, часть духовенства выступала уже на белорусском языке, что лет

20—30 назад было немислимо. Договорились, что надо заново перевести Священное Писание на белорусский язык. Представьте себе такую ситуацию: как-то в моей родной деревне меня навещает незнакомая женщина из отдаленного села. Оказывается, она всегда исповядывалась ксендзу Черныцкому в Вишневе, а будучи в гостях в Ошмянском районе, пошла к местному ксендзу. Как привика, начала говорить на родном языке. Но ксендз ее остановил: «Не на простом говори, а на человеческом!» И привел ей такой аргумент: «Матерь Божья — венец державы Польской. Так как же дойдут до нее твои молитвы, если ты к ней обращаешься на другом языке!» Вот женщина и загорела: как ей быть! Мои слова, что перед Богом все языки равны, по-моему, ее не очень-то убедили.

Итак, корни белорусской нации были размыты. Еще один подъем — начало XX в. Он связан с Вильнюсом. Здесь ведь выходили первые легальные белорусские газеты — «Наша доля», «Наша ніва». Здесь жили Купала, Колас, Тетя, Эмилек Бядаля, Максим Горький. Вспомните, как они помогали друг другу! Тетя и Билонас, Янка Купала и Людас Гира, Янка Купала и Мария Ластавікена. Статьи Л. Гира о Я. Купале раньше неохотно переводились и печатались белорусскими исследователями: литовский поэт советует другу больше писать об общечеловеческих ценностях, а не только о мужицких делах. Дело все в том, что литовская литература той поры, в начале XX в. была на «порядок» выше. И Л. Гира уже прекрасно понимал ограниченность «мужичьей» музыки Я. Купала, алял на него положительно, что, как мне кажется, сказалось в романтической поэме «Яна I».

А потом был ленинский период — 20-е годы. Наш поезд начал набирать скорость. Произошел бурный всплеск национального самосознания и развития национальной культуры. В литературу пришли буквально сотни талантливых парней из деревни. Успешно шла белорусизация. Ибо и верхи тогда заговорили по-белорусски: руководители республики — Червяков, Адамович — поднимали престиж языка, когда привика в деревню, общались с мужиком по-белорусски. Тот уже смеялся: значит, не только мы говорим на этом языке... Вот этого-то нам и не хватает сегодня — престижа родного языка. А дальше... Литва не пережила этого 37-го года, там же. Дебел полетела эдакий народную культуру, литературу, язык воспринимался тогда как национал-фашизм. И с той поры у части учащейся белорусской интеллигенции поселился в душе страх.

Между тем, белорусско-литовские связи продолжались. В Каунасе в 20-е годы издавался белорусский журнал «Крыніца», в 30-е годы существовало Белорусское культурное общество, ставившее спектакли и выезжавшее с ними в белорусские деревни в Литве (в Минске в библиотеке АН БССР хранятся рукописные фонды этих организаций). В Вильнюском крае также собирались довольно значительные культурные силы. Но и сюда пришел свой 37-й — только в 39—40-е... Большинство живших в Вильнюсе белорусских литераторов были репрессированы, погибли в местах «не столь отдаленных». Сейчас нам совместно предстоит вернуть им доброе имя... В результате репрессий — физических и духовных — нация белорусская была обескровлена. После каждого возрождения, очень короткой «весны», наступали суровые заморозки. Поэтому теперь задача перед нами стоит очень нелегкая. Вот читательнице «Возрождения» из Каунаса пишет, что раз белорусы сами отказываются говорить по-белорусски, то нечего для них школу в Вильнюсе открывать... Все значительно сложнее и трагичнее... В 40—70-е годы наши чиновники в погоне за привилегиями, как это уже было и в XVI, и в XIX вв., предали свой народ, ухватившись за лозунг «слияния наций»: кто первый прибежит к цели — тот и коврижку побольше получит. Вот и отрешались от национального во имя карьеры. Мне кажется, все это очень точно определил В. И. Ленин, писавший, что обрушившие инородцы всегда переселяют по части истинно русского настроения. Ну, а на бытовом уровне... Помню, ехал из своего Гудогая в Минск с одной знакомой. Пока шли к поезду, пока ехали в вагоне, она еще говорила по-белорусски, а стулья на перрон в Минске, сразу же перешла на русский. Спрешиваю: «Чому вы, дэтка, так раптам змянілі сваю мову?» — «Так то ж мы в город приехали. Тут соромно говорить по-белорусски». В Островецком районе многие мои земляки по-прежнему называют свой язык не белорусским, а «простым», «ту-тэйшай мовай». Значит, процесс формирования национального самосознания еще идет и будет идти долго, болезненно, в конфликтах. Еще совсем недавно не было в Минске ни одной белорусской школы. Белорусский язык преподавался лишь как предмет. Но и от него, по желанию родителей, освобождали. Выглядело это очень «демократично»: родители просят — чадо освобождают. Освобождают детей от родного языка. Сейчас положение меняется, школ стало больше, часть молодежи заговорила на родном языке. В основном это — неформальные объединения. Национальный нигилизм, как болезнь, поразил наши главные органы — мозг и сердце: систему образования и систему культуры. Молодежь требует: немедленно перевести все школы и детские сады на белорусский язык! А преподавать там кто будет? Нужны кадры. В первую очередь надо переводить на родной язык высшую школу. У нас идут дебаты о государственном статусе белорусского языка. Статус можно утвердить. Но если не будет престижа, а он зарождается сверху, то ничего не изменится.

Мне кажется, надо еще встретиться с вами в другой белорусской интеллигентии. Ведь сейчас на наших отношениях наслаивается недопонимание, которое не должно быть места. Нужно говорить о больших моментах и конструктивно решать проблемы. В Островецком, Вороновском районах, безусловно, не нормально, что там нет литовских школ, культурных учреждений. И в костеле должен служить ксендз-литовец. Но вот я недавно видел статью, присланную в одну из наших газет (пока не напечатанную, поэтому я не назвал имя автора, человек заслуживающий, знающего). Он упрекает нас в том, будто белорусы утверждают, что там нет литовских школ. Но автор не задает вопроса: а рядом, в Островеце, скажем, есть белорусские школы? Тоже нет. Не белорусы закрывали костелы в Вороновском районе, а те, кто повизжал в костеле, одинаково преследовали и тех, и других. Надо собраться и решить конкретно, что и кому давать. Я с удивлением услышал от некоторых литовцев, что раз у нас там такое положение, то давайте эти села присоединим к Литве. Но все ведь куда сложнее. Ведь сегодня литовские «закрепленные» отделены долготой проживания белорусов. Поэтому такой конфронтационный путь кажется мне неконструктивным. А белорусские население в Литве: разве у него есть свои школы? Может быть, кому-то хочется на этой почве нас поссорить? Значит, надо нам действовать в согласии, не выдумывая взаимных обид.

Второй вопрос, который, мне кажется, нам надо решить сообща — возвращение современности имен тех, кто работал на белорусско-литовском литературном поприще, а потом безвинно пострадал. Документов в погибших писателях порой у нас нет, о некоторых мы практически ничего не знаем — даже их дат жизни. Хочу называть лишь несколько писательских имен, связанных с Вильнюсом: Франк Тришневич, Костевич (псевдоним Манар Кравцов), Владимир Самойла. Если кто-то из читателей знает о судьбе этих людей — обращайтесь, сообщите нам!

Еще одна проблема — Белорусский музей в Вильнюсе. В начале века с помощью энтузиастов его создал просветитель Иван Луцкевич. Музей находился в Старом городе в «Базиллианских мурах», там же была и белорусская гимназия. В музее хранилось богатое собрание книг, рукописей, картин, слуховых записок, уреческое и мемориальное стекло. В 1946 г. его ликвидировали. Делали это люди некомпетентные, негласно, в спешке. Коллекция оказалась разрозненной. Часть из них привезли в Минск, но большая часть осталась в Вильнюсе. Рукописи и книги попали в библиотеку Академии наук, все газеты — в спецфонд, хотя это были издания революционно-демократические и преследовались польским буржуазным правительством. Опять обидно, как когда-то, вне закона. Произведения искусства оказались в запасах Литовского музея истории и этнографии. Я возглавляю комиссию Белорусского фонда культуры по возвращению наших культурных ценностей в республику, раньше не раз выступал за то, чтобы запасы белорусского музея были перевезены в Минск. Но теперь, когда образовалось Товарищество белорусской культуры в Литве, когда изменились условия, возник Саудис, мы могли бы решить эту проблему иначе. Появилась альтернатива — возродить музей в Вильнюсе, в прежнем помещении. Я чувствую, что более конструктивно, более справедливо все-таки предложение вильнюсцев — восстановить музей, существовавший до сталинских времен. Пусть два наших фонда культуры — Литовский и Белорусский — станут keresztmintой отцами этого чада. Скорее даже не новорожденного, а ранимированного.

Безусловно, возрождение национального самосознания и государственности взаимосвязаны. Формально дело в Белоруссии обстоит благополучно: республика — член ООН, входит в ЮНЕСКО. Но ведь дело не в форме, а в содержании. Вопрос о реальном суверенитете Белоруссии подняли низы, а вот верхи сначала встретили его очень болезненно. Скажем, республиканский подсчет. Наше молодежь, предлагавшая его власти, немало пострадала. А сейчас в БССР это уже государственная политика.

Главная задача БИФ сегодня — разработка конструктивной программы. Большинство ее разделов уже подготовлено. Мы учитываем нашу специфику. Нельзя было взять программу Саудиса (или латышей, эстонцев, Уральского народного фронта) и механически ее повторить. «Специфика» наша состоит в том, что, если в других местах есть основания говорить об изыскании национальных чувств, то в Белоруссии их явно не хватает, не хватает патриотизма, корней, связи с землей.

Каковы перспективы Белорусского народного фронта? Очевидно, каждое дитя должно родиться в положенный срок. Правда, мы живем в ускоренное время, и я, будучи оптимистом, думаю, что ребенок родится досрочно, здоровым и жизнеспособным. Ведь та революция «сверху», которая началась в нашей стране и направлена против застойно-бюрократического аппарата, часто не сбавляется. Аппарат-то оказался довольно крепким орешком и от одного давления сверху просто выскальчивается. Значит, нужно взять его в клещи — сверху и снизу. И — чтобы обе части клещей действовали вместе, в согласии...

Нам всем памятна оттепель 50-х годов. Увы, она окончилась новыми заморозками... То, что мы переживаем ныне в Белоруссии, одни называют четвертым, другие — пятым возрождением. И дай Бог, чтобы оно было долгим, и настоящим. Чтобы после дружной весны было долгое и теплое лето, щедрая осень!

ПАПРАУКА

Редакция приносит благодарность за памылку ў № 4-1989. На стар. 4, правы слупок, радкі 29 — 32 зверху трэба чытаць: Зенон Позняк, старший научный сотрудник Ин-та истории АН БССР; Наталья Котвицкая, зав. учебно-методическим кабинетом истории КПСС Белорусского института физкультуры.

В последние предвыборные дни

Бюрократические власти в Белоруссии приступили к физической расправе над Белорусского народного фронта. 23 марта с. г. во время предвыборного пикетирования в городе Барановичи был зверски избит милицией член оргкомитета Белорусского народного фронта, известный белорусский художник, член Союза художников СССР Симон Свистунович. Он стоял в пикете, призывавшем голосовать против председателя Агпрома БССР Хусанова. Симон Свистунович был оторван милицией из пикета и схвачен. Шесть милиционеров во главе с начальником милиции и прокурором города окружили 43-летнего художника, затаскивали в соседнее здание — кинотеатр «Светлана» и по-сидетски избивали его сапогами, кулаками, применяли специальные боевые приемы и истязания, сорвали с него одежду, приговаривая: «Мы тебе покажем свободу, мы тебе покажем перестройку». Руководил избиением прокурор города. При этом на площадке около кинотеатра находилось

все партийное руководство Барановичей. Художника вырвали из рук истязателей рабочие-пикетчики, которых собралось перед кинотеатром около тысячи. Они же вызвали скорую медицинскую помощь и отвезли его в больницу. Милиция и прокуратура города, совершившие это преступление, отказались выдать потерпевшему направление для прохождения судебно-медицинской экспертизы. Милицейско-бюрократическая мафия в Белоруссии открыто возвращается к методам сталинского насилия над личностью и людьми.

В ночь с 24 на 25 марта с. г. органы пожарной охраны и милиции под предлогом поиска взрывчатого вещества ворвались в здание Минского Дома литератора и перепроверили все комнаты. Потом была взломана дверь в один из кабинетов и произведен тотальный обыск без санкции прокурора, без присутствия владельца кабинета. При этом пожарники и милиция забрали, точнее, украли 10 000 экземпляров газеты «Навіны» Белорусского народного фронта

с проектом программы БНФ, а также около 1000 экз. газеты из Литвы «Согласие».

Аналогичную операцию органы милиции и пожарной охраны проделали и в помещении городской районной рады групп поддержки БНФ Первомайского района Минска. Была взломана дверь и шкаф, из которых они похитили помолку газет 12 000 агитационных листовок за кандидатов в депутаты. Белорусскому народному фронту нанесен урон более чем на 10 000 рублей, собранных народом на печатные издания.

Сталинизм в Белорусской республике приступил к репрессивным уголовным действиям. Снова перед обществом вырастает призрак государственного преступления.

25 марта минской милицией была подавлена попытка студентов Белорусского государственного театрально-художественного института провести митинг в ознаменование 71-й годовщины Белорусской Народной республики. Репрессивная акция была заранее спланиро-

вана. Милиция без предупреждения напала на студентов и начала их жестоко избивать. 30 студентов задержаны.

События этих трех дней выразительно характеризуют реликтовое сталинское руководство республики, его уровень и качество. Сейчас оно готовит указ о запрещении всякой неофициальной печати в БССР, чтобы лишить возможности общения с народом независимые общественные организации. Кризис давно назрел. Мы созерцаем агонию руководителей, ненавидящих белорусский народ. Давно известно, что прежде чем начать перестройку системы, необходимо первым делом сменить ее бездарных руководителей.

Зенон ПОЗНЯК,
член Оргкомитета Белорусского
народного фронта «Адраджэньне»

Р. С. Прошли выборы, и Хусанов и Галко не избраны в народные депутаты. Вот ответ избирателей на преступление бюрократии.

Страсти по...

Поддержка из выступлений на собрании совета трудового коллектива партийно-профсоюзного, комсомольского актива Белорусского государственного института физической культуры (г. Минск) 25 февраля 1989 г.

Повестка дня: задачи трудового коллектива по усилению организационной и идеологической работы на решающем этапе предвыборной кампании.

МИРОНОВ В., секретарь парткома: (...) Сейчас очень активно включились в предвыборную кампанию неформальные движения. Вы знаете из прессы, что ведущие скрипки играют тут сторонники движений, именующих себя народными фронтами. Спекулируя фразами, бойкотируют выборную кампанию, чернят сторонников кандидатов, выдвинутых трудовыми коллективами, парторганами... Если не удастся прогнать своего кандидата, идут на любые провокации... Мы видим истинное лицо, истинный почерк этих представителей народных фронтов.

30 января принято постановление Политбюро ЦК КПСС о мерах противодействия попыткам антисоциалистических элементов создать оппозиционные КПСС политические структуры. Там сказано, куда поворачивают лидеры экстремистских объединений. Острота ситуации ощущается и у нас. Котвицкая была предупреждена, чтоб никаких самовольных агитационных действий не проявляла, но она ослушалась, провела собрание. Я думаю, что сегодня выступающие товарищи выскажутся по этому поводу.

СТЕШИН А., заведующий учебно-методическим кабинетом кафедры философии и научного коммунизма: (...) Я случайно оказался на этом собрании. Выступала Котвицкая и какой-то седой писатель.

СОКОЛОВ В., ректор БГИФК: Раз хулигански ворвались в институт, надо знать фамилии. Кто они? Мы сообщим им на работу для принятия мер. Вас сюда поставили не проводить лекции, агитировать за Народный фронт. Мы должны в корне осудить хулиганскую акцию. Я советовался с прокурором. Котвицкая юридически не права. В Законе о выборах об этом ничего не сказано.

СОКОЛОВ: Главная ее позиция, обратите внимание — все выступающие называют ее Наталью Максимовну, уважаемая Наталья Максимовна, а она? Посмотрите, насколько безвкусно, какая наглость в ней выплывает: даже в объяснительной записке она педагога секретаря горкома партии товарища Галко В. Г. называет «гражданином». Предлагает создать в институте центр гласности. Куда простирается ее наглость беспардонности? Сколько студентов вы оказали подпиской? Не интересовались? А сколько раздала «Аргументов и фактов», закрываясь с людьми? Это экстремисты, люди, мстительствующие по власти. Каковы они, мы можем судить по той же Котвицкой. Витушка — слезы «Талки» — недоразумимый недообразованный тип, даже от службы в армии увиливал. Товарищ Галко корреспонденту принаодин домой и покачивая пустой холодильником. У секретаря горкома в холодильнике пусто! А Котвицкая мешкает нам работать, дискредитирует наш коллектив. Не на убеждать, им нужно власть, чтобы разрушить все. 30 октября

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА Руководству Белорусского государственного института физической культуры от заведующей учебно-методическим кабинетом кафедры истории КПСС и политэкономии Котвицкой Натальи Максимовны

Стало вас в известность, что в соответствии с Законом о выборах, мною по поручению оргкомитета Белорусского народного фронта за перестройку «Адраджэньне» проведено собрание руководителей районных групп поддержки БНФ. Собрание было посвящено организации предвыборной агитации в связи с тем, что именно по нашему территориальному округу баллотируется первый секретарь Минского горкома Компартии Белоруссии гражданин Галко В. Г., повинный в антизаконных действиях милиции, направленных против митинга, 30 октября 1988 г.

Собрание прошло на высоком идейно-политическом и нравственном уровне, никаких отступлений от линии XXVII съезда КПСС и решений XIX партконференции не было. Проведено оно было в мое рабочее время в свободных помещениях кафедры истории КПСС и политэкономии, что также оказало большое воздействие на моральный дух присутствующих (внутри с произведением классиков марксизма-ленинизма, газеты, стенды, посвященные выборам, государственная символика и т. д.).

Расходясь, присутствовавшие отметили высокий уровень организации и благожелательную атмосферу.

Прошу рассмотреть вопрос о целесообразности превращения учебно-методических кабинетов кафедр общественных наук Белорусского государственного института физической культуры в «Центр гласности» Фрунзенского района г. Минска по организации предвыборной кампании в районе. Этот шаг будет отвечать духу требований Политбюро ЦК КПСС и значительно поднимет авторитет вуза в городе и республике.

23 февраля 1989 г.

Н. М. КОТВИЦКАЯ

им не дали всех слопать! Почему они 30-го не пошли с долгами копать могилы? А наши студенты привели в порядок 200 могил!

К чему они призывают? Отделиться от СССР, реставрировать капитализм. Литва уже обложена нашими дивизиями. Полузаче контрреволюция! Поступок Котвицкой стал достоянием республики. Над нами смеются: «Эти инфантильные физикултурники проморгали...» Где тут демократия, где гласность!

ЧКАЛОВ Б., начальник отдела кадров: (...) Как можно воспитывать студентов, если поставили руководителем агитколлектива, позволив работать доцентом человеку, который поддерживает работу Котвицкой (речь идет о Семенюке В. А. — Ред.)... Скоро Котвицкая доберется до общезнания.

СОКОЛОВ: Я прикажу, чтобы студенты выбросили ее с 16 этажа...

ГОЛОС С МЕСТА: У нас в повестке дня стоит вопрос о проведении предвыборной кампании, а мы все сводим к Котвицкой.

СОКОЛОВ: Этим мы и занимаемся. Это отщепенцы! Экстремисты! Их надо призвать к порядку. Время дискуссий прошло. Горбачев решил призвать их к порядку.

ТРУШКЕВИЧ Я., старший лаборант кафедры педагогики: Я уже третий раз слышу как вы делаете с трибуны такие заявления. Это что — точка зрения партии или личная точка зрения?

СОКОЛОВ: А как бы вы себя вели, если бы вашу дочь изнасиловали на улице? Как вели бы себя, если бы эти экстремисты без разрешения ворвались в ваш дом? Вся эта пена на волне перестройки насилует на улице наших детей, друг друга. Надо действовать решительно. Если вы читаете «Аргументы и факты», сводку МВД, колоссы встают дыбом. Если ее ребенок изнасилован, она по-другому заговорит. Нам надо обязательно осудить Котвицкую.

КОТЮХ Н., начальник ГО, бывший ректор КГБ: Их энергия не подходит к тем

переменам, о которых говорит Горбачев. Ничего конструктивного они не предлагают, а только сеют смуту. Такой человек, как Котвицкая, даже сопереживает со студентами не может ни одного дня!

МОШКОВ Ю., декан: Дайте им в руки карабины, они и стрелять начнут. Вот до чего доходит! Почтите «Правду!» Котвицкая первого секретаря горкома называет «гражданином», а в Эстонии уже называют «господом». Надо воевать с ними!

СОКОЛОВ: Попробуйте вечером зайти в ресторан. Там один наперсточник сидит. Покажут на женщину и делают с ней, что хотят. Это все неформальное.

РАЙЛИН Н., из АХЧ: Я был на стадионе. Так они микрофоны друг у друга вырывают, не боится, что их осматривают. Надо и нам не бояться проявлять активность. Не одна Котвицкая у нас в институте есть. Семенюк тоже. Им нет места в нашем трудовом коллективе.

Мебели в институте не хватает. Нет чтобы они создали кооператив по ремонту мебели... Им власть подавай! Ничего не делается, ничего не даете обществу, только болтаете.

БЕЗНОСИКОВ, заведующий кафедрой массовых форм физкультурно-оздоровительной работы: Вы недооцениваете назревшую ситуацию. Мы собрались узким кругом для выборов выборщиков на окружное собрание. Она свою кандидатуру выдвинула и собрала 21 голос из 74 при открытом голосовании. А если бы тайном? Да не собранием всех сотрудников? Недооценивать Котвицкую нельзя.

ДАШИНСКИЙ А., преподаватель кафедры производственной физкультуры: Я не согласен с Соколовым, что прошло время уговоров, объяснений, доказательств. Наоборот, это время только настает.

СОКОЛОВ: Мы будем размежевываться с ними. Если есть у нас коммунисты, принадлежащие Народному фронту, они должны решить — или с нами, или... Сама

Наталье

никогда надо отречься от Котвицкой. Если нет, надо ставить вопрос об исключении его из партии.

ГОЛОС С МЕСТА: Уже поставлен. Будем во вторник решать.

СОКОЛОВ: Работать надо. Надо было, я пошел со студентами в лыжный поход... Надо — выходил на сцену и пел...

ДЗЮБА О., старший преподаватель кафедры плавания: Надо посадить пять студентов с хронометрами возле Котвицкой и фиксировать, чем она занимается на работе. Она должна оплатить использование служебного помещения не по назначению... У нас окна выбиты, воровство всюду. Студенты гадят прямо на лестничных клетках. Загажено общежитие. Поэтому надо избавляться от таких, как Котвицкая. Или отдать институт военным... Проглядели мы же...

СОКОЛОВ: Слово от преподавателей кафедр общественных наук имеет партгруппировка кафедры, где работает Котвицкая.

АКУЛИЧ М.: Как заведующей Котвицкая полностью перешла на политическую деятельность. Из конфликта 1987 г. Котвицкая вышла чистой и незапятнанной, а мы все, заведующие, получили взыскания. 22 февраля Котвицкая нарушила демократию и гласность. Любое дело надо делать чистыми руками. Мы все единодушно осуждаем и считаем, что ей не место в нашем коллективе.

ВИЛЬКИН Я., заведующий кафедрой управления физкультурным движением: Я только что из Прибалтики. Там всюду антисоветские плакаты.

КРЮК В., заведующий кафедрой теории физической культуры: И Эстония и Литва являются наставниками нашего Народного фронта, вы только подумайте — молодежь предлагает ввести ценз оседлости, инкомислящих выселить, национальный язык провозгласить государственным. Вести свою валюту. В Эстонии 40—60 процентов денег выдают в эстонской валюте, а 40 — в советской. То есть эстонцы могут покупать у нас, а мы у них — нет. Они предлагают самостоятельный выход на рынки Западу, вплоть до выхода из СССР. Ибецуют через год создать свой Монте-Карло. Но всем их лидерам наплевать на эстонский народ, на белорусский народ. Мы не верим ни одному их слову. Это — красный фашизм.

СОКОЛОВ: Белорусский Народный фронт опекает самые ярые прибалты, а тех опекает ЦРУ, так что их убеждать — бессмысленно. Надо брать и выбрасывать!

МИРОНОВ В.: В нашем институте набирает силу экстремизм. Партийной организации надо принять меры по противодействию. До чего дошло! Смотрю, Семенюк на окружном предвыборном собрании во Дворце культуры тонкосуконного комбината голосовал за позицию Народного фронта, идущую вразрез с политикой нашей партии. Его поведение будет расследоваться. Во вторник рассмотрим выполнение им уставных требований. Если не осознает, будем исключать.

Зачитывается постановление. Голосуют. Воздержавшихся — двое, остальные — за.